

Хомченко С.Н.**Симбирская губерния в мемуарах пленных военнослужащих армии Наполеона.
1812 - 1814 гг.**

// Научный альманах. Сборник научных статей. Вып. III. Т. II. Самара, 2007. С. 40-50.

Среди источников, освещающих повседневную жизнь в эпоху Наполеоновских войн, имеются мемуары военнопленных Великой армии Наполеона, проживавших в Симбирской губернии или проходивших через ее территорию в 1812 - 1814 гг. Эти воспоминания хоть и являются субъективными, но, тем не менее, дают некоторое представление о губернской обыденной жизни в эти насыщенные событиями годы.

В настоящее время нами обнаружены пять мемуаров, имеющих отношение к указанной теме. К ним относятся «До самой Сибири» рядового 9-го французского легкоконного полка Х. Циммерманна из Ганновера, «Военнопленный в сердце России» унтер-лейтенанта вестфальского 2-го гусарского полка Э. Рюппеля, «Путешествие французского офицера, пленного в России, на границы этой империи с Азией» капитана 2-го французского конно-егерского полка П. Нокаса. Первые в октябре, последний в ноябре 1812 г. следовали в Оренбургскую губернию, возвращались на родину они соответственно в июле 1813 г., июле и октябре 1814 г.¹ Провели плен в Симбирской губернии унтер-офицер 2-го швейцарского пехотного полка Ш. Мино, автор «Дневника кампаний и ранений», и лейтенант итальянского 2-го линейного полка Ф. Баджи. Они находились здесь первый с февраля, второй с декабря 1813 до июня 1814 г.²

Одними из первых представителей российской власти, с которыми сталкивались пленные, были начальники партий, которые командовали конвоем на пути к месту проведения плена. Циммерманн называл своего безымянного начальника бесчеловечным и обвинял в присваивании денег, выделенных на жалование, питание и транспортировку пленных, отчего многие из них не дошли до места назначения.

В отличие от него, Рюппель назвал майора Булыгина прекрасным, очень гуманным человеком. Когда в Симбирске караул был сменен, возвращавшегося во Владимир Булыгина пленные проводили с наилучшими пожеланиями, так же как и старого ополченца Ивана, чей черный трубочный табак каждый день шел по кругу и освежал всех несколькими затяжками. Добрый старик, который под Очаковым не пощадил ни одного врага, при расставании растрогался до слез и расцеловал многих пленных. Новым начальником транспорта стал квартальный надзиратель из Симбирска, хороший, но заурядный человек, который заглядывал в каждый кабак и слишком налегал на разные сорта водки, в итоге он обычно засыпал и словно труп лежал в своих саях. Пока он не протрезвевал, о том, чтобы искать ночлег, даже не было и речи.

Нокас, хоть и критиковал ранее прапорщика Чанышева, но отмечал, что приближаясь к Симбирску, тот успокоился, как и его конвойные.

Баджи описал конфликт, произошедший в Симбирске между начальником партии поручиком Масловым и пленным французским капитаном Кореза. У них возник спор, в результате которого русский плюнул в лицо французцу. В других обстоятельствах в ответ последовал бы вызов на дуэль, но пленный не мог себе этого позволить. Маслов кроме того сделал доклад полицмейстеру и тот, не разобравшись, приказал казакам арестовать французского капитана. Ему угрожала отправка в Сибирь, поэтому пленный полковник Оливьери с еще одним офицером отправился к полицмейстеру заступиться за арестованного. В результате Кореза был освобожден и позже вместе с Баджи отправлен в Ставрополь.³

О Симбирском губернаторе А.А. Долгорукове Баджи сообщил, что тот, хоть и не был благосклонен к французам, но являлся все же гуманным человеком и приказал не отправлять пленных в путь в чрезмерный холод, который тогда царил. Мемуарист оценил эту заботу, так как примерно в это время недалеко от города нашли двадцать местных жителей, замерзших насмерть на большой дороге.⁴

Партия пленных, в которой находился Циммерманн, следовала через Симбирскую губернию во время сильных холодов. К тяготам добавлялось еще и плохое питание, плохо выпеченный хлеб был похож на мягкую глину и его можно было скатать в шарик. Ежедневно умирало множество пленных, причем Циммерманн считал, что погибали в первую очередь те, кто ослаб морально, а не физически. В могилу уходили отчаявшиеся и покоровившиеся боли, мемуаристу же удалось собрать свои духовные силы и остаться на ногах. Он выжил и благодаря помощи друга Хуземанна. Когда колонна подошла к Волге, холод от близости воды еще более усилился. Пленным пришлось несколько часов ждать переправы на другой берег. Друг затащил Циммерманна на корабль, где тот все время провел без сознания от голода и холода. Впрочем, мемуарист никого не винил в своих несчастьях, так как понимал, что пришел в эту страну как захватчик.⁵

Рюппель вспоминал, что во время следования частые снегопады мешали их дальнейшему продвижению и пленным приходилось иногда по нескольку дней оставаться в неприятной обстановке крестьянских изб. Офицеры изнывали от скуки и выдумывали различные способы времяпрепровождения. Однажды они додумались сделать свою форму снова чистой, перешив ее наизнанку. Сначала в ход пошли рейтузы. Распорили их быстро, а вот собрать заново многим не хватило портняжного мастерства. Лишь у одного французского улана красные рейтузы и зеленая куртка стали как новенькие, остальные были рады кое-как сшить свои штаны. В одном большом селе перед Симбирском Рюппеля вместе несколькими товарищами разместили на постой в большом доме. Он вошел в просторное помещение и вдруг услышал дребезжание цепи и почувствовал толчок в спину. Обернувшись, Рюппель увидел бледного, взлохмаченного и совершенно голого человека, прикованного цепью за шею и туловище к длинному железному шесту. От хозяйки дома постояльцы узнали, что это ее слабоумный дедушка, который уже 14 лет был так прикован, так как во время своих припадков он впадал в ярость. Пленные расположились в этой комнате на соломе, но настояли на том, чтобы лучина осталась гореть, и она своим бледным светом еще усиливала ужасный вид угла, в котором сидел старик. Наутро пленные были даже рады, когда ратник конвоя известил их о продолжении похода.

В пути колонна пленных часто встречали караваны в 100-200 саней. Все они были запряжены прекрасными тяжеловозами. На каждые шесть саней приходился один возница, который обычно лежал на своих санях и спокойно дремал. Когда сани проезжали мимо конвойных, то «для ободрения» этим дремлющим возницам «прописывали» пару хороших ударов нагайкой, что сразу сгоняло с них сладкую дрему и веселило всю колонну.

Губернского города Симбирска партия достигла во время ужасного бурана, но в течение еще нескольких часов пришлось ждать на улице, пока им не выделят место для расквартирования. Наконец всех расселили в пригороде у бедных жителей. После суточного отдыха и закупки припасов, колонна в быстром темпе двинулась по руслу замерзшей Волги к Самаре. Этого уездного города пленные достигли через восемь дней и, так как сильно замерзли, вынуждены были растирать ооченевшие лица, руки и ноги, чтобы избежать опасности обморожения. Вообще, морозы наряду с плохим питанием и большими нагрузками стали причиной того, что в пути ежедневно умирало по нескольку пленных, причем русские отказывались хоронить их на кладбищах и приходилось зарывать их вдали от населенных пунктов.⁶

Мино отмечал, что выдаваемого им продовольствия не хватало и они покупали его у местных жителей. В одной деревне пленные остановились у немецких переселенцев и те хорошо их приняли, дав в дорогу большой запас хлеба. В один из дней пути Мино так сильно обморозился, что не чувствовал тела. Когда пленным определили деревню для постоя, он зашел в первый же дом и упал как мертвец. Хозяйка, старая русская женщина, видя беспомощность швейцарца, принесла деревянное корыто, полное холодной воды, добавила туда снега и растирала своего постояльца, пока его кровь не возобновила свое

движение. После эта милосердная женщина накормила пленного тем, что нашлось в ее бедном доме. Уже после возвращения на родину, Мино в своих молитвах всегда вспоминал эту женщину, ведь благодаря ее хлопотам была спасена его жизнь.⁷

Баджи попал в Поволжье в следующую зиму, причем 23 декабря холод прекратился, выпало много снега, который сразу же начал таять, и некоторые места были сплошь покрыты снеговой кашей пополам с водой. В уездную Корсунь пленные прибыли на католическое Рождество и, благодаря выдаче двухнедельного денежного содержания из расчета 50 коп. в день, смогли сделать праздничный ужин. Часть пленных осталась здесь, остальные двинулись в Симбирск, куда прибыли через пять дней и были размещены в пригороде. Здесь был составлен список пленных для отправки в Санкт-Петербург. Мороз вновь усилился и Баджи, идя в полицейский участок на другом конце города, чуть было не отморозил нос, если бы шедшая навстречу женщина знаками не показала, что его надо растереть снегом. После этого случая, по словам итальянца, он стал менее несчастлив, чем другие пленные.

Наступившие холода задержали отправку части пленных, в том числе автора мемуаров, в уездный Ставрополь. Благодаря денежному содержанию, Баджи с верным товарищем Пачиони в ожидании отправления снял в городе квартиру из двух комнат. В Симбирске Баджи познакомился с итальянскими семьями Комо и Чокко, давно переехавшими в Россию и занимавшимися здесь различными ремеслами – изготовлением оловянных изделий, сыроварением, торговлей. Один сицилиец даже давал уроки фехтования. В день русского Рождества все заведения были закрыты и четырнадцать пленных итальянцев отправились на обед в дом своего земляка, торговца. Здесь они весело провели время, играя на рояле и распевая песни своей родины.

Пленные офицеры, кроме еженедельного жалования, получили и по 100 рублей на одежду, так что в дальнейший путь они вышли хорошо подготовленными к новым холодам.⁸

В некоторых мемуарах сохранились описания Симбирска. Циммерманн при возвращении домой прожил здесь некоторое время и сообщил, что этот город хоть и построен менее полувека назад, но насчитывает уже 15 тысяч жителей, 19 церквей и 19 кабаков. Во время суточного отдыха Рюппель тоже смог осмотреть город, отметив, что он неплохо построен. Население Симбирска мемуарист оценил в 10 тысяч человек, добавив, что в городе много церквей, а окрестности должны были быть очень живописными, но из-за глубокого снега это нельзя было проверить. Мино назвал Симбирск большим красивым городом.

Баджи прожил здесь около двух недель и смог хорошо осмотреть город. Он увидел в Симбирске очень много купеческих лавок, из чего заключил, что это коммерческий город. Кроме того, его удивило большое количество каменных строений. Вместе с друзьями он пошел к замерзшей Волге, но не отметил ничего заслуживающего внимания, кроме нескольких проложенных санями дорог на противоположный берег. В целом, Симбирск ему показался более оживленным, чем другие города, которые он видел. Отметил мемуарист и небывалую дешевизну продуктов, в первую очередь рыбы. Например, осетр стоил две копейки за фунт, осетровая икра – две-три копейки. Бутылка вина, которое привозили из Астрахани, обходилась в один бумажный рубль, то есть двухдневное жалование пленного обер-офицера, и Баджи считал, что это очень дешево. Для хозяйственных нужд пленными было закуплено несколько бочонков с соленьями и квасом, полотно и льняные нитки, чтобы сшить рубашки. Помимо прочего, любивший петь итальянец купил в Симбирске гитару.⁹

Из других городов губернии чаще упоминается Самара, причем Нокас назвал ее воротами в Азию, так как она расположена на противоположном берегу Волги.¹⁰ Примечательно, что все мемуаристы считали Волгу пограничной рекой между Европой и Азией.

Мино с несколькими товарищами был определен на жительство в уездный город Буинск (мемуарист ошибочно называл его Бонинском). Здесь пленные были заняты перевозкой земли для засыпания пруда, который принадлежал местному помещику. Казаки, следившие за работой, подгоняли пленных ударами копий, на что те разумно могли лишь сжимать кулаки в своих карманах.

Однажды днем, когда пленные собрались на городской площади, чтобы идти на работу, незнакомый старик в обществе городничего прошел перед строем, осведомляясь, есть ли среди пленных швейцарцы. Мино отозвался и выяснилось, что этот старик по фамилии Шнейдер тоже родом из Швейцарии и служит сейчас управляющим в имении русского генерала недалеко от Буинска. Он дал земляку несколько рублей и пригласил к себе в гости. На замечание, что, несмотря на удовольствие от этого предложения, пленный не может отлучиться без разрешения городничего, старик обратился к тому и легко получил отпуск для Мино. На следующий день слуга доброго соотечественника пришел разыскивать швейцарца с санями, запряженными двумя хорошими татарскими лошадьми и Мино отправился в гости. Он находился там три недели, где смог отвлечься от тягостных раздумий. После известий о заключении мира, Мино присоединился к своим товарищам. Эта счастливая новость заставила забыть все перенесенные страдания. Городничий, сообщая о ближайшем отправлении, сделал предложение всем желающим остаться в России. Он обещал большие преимущества, дом, лошадь, корову, четырех баранов и освобождение от всех налогов на десять лет, но никто не принял этих предложений, так как все стремились на родину.¹¹

Баджи и его товарищи, прибыв на жительство в Ставрополь, начали обустриваться на новом месте. Сначала их принял городничий, старый ливонец, показавшийся пленным офицерам весьма учтивым. В доме городничего Баджи встретил миланца Фиамеджини, который был музыкантом итальянской гвардии, а здесь в плену давал уроки скрипки сыну городничего, сделавшему ему много добра. Так же здесь присутствовал знакомый Баджи маркитант, преподававший французский язык сыну местного помещика.

Вскоре Баджи и его друг Пачиони сняли в городе хорошую квартиру, но когда они приехали туда с вещами, оказалось, что квартира уже занята другими пленными офицерами, отчего между ними произошла ссора. Пришлось довольствоваться худшей квартирой, куда друзья приехали в наихудшем расположении духа.

На следующий день знакомый маркитант пригласил их на обед в дом своего здешнего хозяина, помещика Милковика. Для начала им предложили выпить вина, а потом позвали за стол, который понравился Баджи разнообразием блюд, несмотря на небольшое количество мяса. Семья состояла из старой вдовы, двух ее сыновей и трех дочерей. Старший сын, хозяин поместья, был женат и жил с женой здесь же, младший учился в Казанском университете. Одна дочь была замужем за дворянином Плотниковым и проживала в Самаре, две другие дочери находились при матери. У старой госпожи было благородное сердце и она приказала снабжать пленных солдат мясом и хлебом. Пять - шесть офицеров ежедневно обедали в ее доме.

Вскоре Баджи и Пачиони стали здесь всеобщими любимцами из-за их песен и игры на гитаре. Так же часто устраивались танцы, в которых Баджи не мог участвовать из-за своей обмороженной ноги. Однажды приехавший в город господин Плотников устроил в доме карнавал с масками из живых цветов. Здесь в Ставрополе Баджи расширил свой песенный репертуар, выучив несколько песен на русском языке. Он не понимал, что пел, но его выступления пользовались неизменной популярностью и его наперебой приглашали во все дворянские дома. Пачиони же избрал для себя образ шута и всегда веселил присутствующих различными номерами с передеваниями, например, как-то на балу он изображал калмыцкую принцессу. Кроме того, однажды был устроен спектакль по пьесе Мольера, в котором приняли участие как русские дворяне, так и пленные офицеры, а в антракте пели Баджи и Пачиони.

Среди пленных был портной и с его помощью Баджи перешил свою шинель во фрак, а так же пошил новые штаны, в которых можно было показаться в обществе. У калмыков были куплены бараньи шкуры и сшита шуба, которая сохранилась до возвращения в Италию. Свою повседневную форму он так же сберег. С помощью ртутной мази Баджи избавился от надоедливых насекомых. На пару с Пачиони были сняты две приличные отапливаемые комнаты. Последний был особенно рад своему положению и не хотел быстрого окончания плена. Они получали положенное содержание, частые подарки, им не нужно было выполнять тяжелую работу. Баджи завел дружбу с французским офицером, с которым они преподавали друг другу свои родные языки. У того была «Генриада» Вольтера, которую Баджи, чтобы провести время, начал переводить в стихотворной форме на итальянский язык. Баджи написал через Петербург несколько писем своей семье и ждал скорого возвращения домой. Зиму Баджи перенес с хорошим здоровьем, а вот в начале весны заболел лихорадкой, которую пленный же французский врач Бойле лечил хиной. К освобождению из плена от болезни не осталось и следа.¹²

В июле 1813 г. через Самару в Саратов перед освобождением проехал Рюппель. Здесь он с рекомендательным письмом побывал в доме госпожи Племянниковой, у родственников которой жил в Оренбургской губернии. Та встретила его очень официально, поэтому Рюппель поспешил откланяться. В нескольких шагах от дома он встретил русского инженер-офицера. Тот очень учтиво заговорил с вестфальцем, спросил о цели столь скорой поездки и попросил доставить ему удовольствие, разделив с ним обеденную трапезу. Рюппель с благодарностью принял приглашение и не раскаялся в этом, так как познакомился с любезным и остроумным человеком. Его звали Шуман, и во время последней турецкой кампании он служил адъютантом утонувшего в Пруте русского генерала Суворова, сына знаменитого фельдмаршала. Время пролетело очень быстро, и только в 4 часа Рюппель снова уселся в свою кибитку. До этого ясная, погода внезапно испортилась, ветер поднял облака пыли и усилился почти до урагана. Не последовав совету нового друга не переправляться сегодня через Волгу, Рюппель отправился в опасную поездку. Он должен был переправиться через нее на том же месте, где и в прошлом году. Воды были очень высоки. Когда Рюппель прибыл на берег, ему пришлось притормаживать кибитку, чтобы по покатоному склону спуститься к воде, где уже стоял большой паром, на котором находилось большое количество крестьянских повозок, лошадей, рогатого скота и крестьян, которые возвращались из Самары с рынка. Сопровождающий унтер-офицер с помощью пары крепких оплеух и взмахов нагайкой расчистил место для кибитки на пароме. Сам Рюппель остался сидеть внутри, так как темные тучи на небосводе уже раздражались громом и молниями и по парому стали стучать капли дождя. От берега был отвязан трос, и слишком тяжело нагруженное судно оказалось в гуще течения, когда вестфалец начал склоняться к мысли, что лучше бы он сегодня не переправлялся.

Волны поднимались так высоко, что при каждом порыве ветра они перехлестывали за борт и производили ужасный переполох среди народа, который состоял в основном из татар и мордвин. Когда паром оказался на середине потока, воды стали такими бурными, что ни весла, ни руль не помогали. Волны и частые порывы ветра с такой скоростью несли нас вниз по течению, что Рюппель решил, что пробил их последний час. Крестьяне крестились и бросались на колени, твердя: «Господи помилуй». Так как судно при такой нагрузке грозило пойти ко дну, его нужно было облегчить. Поэтому все крестьянские повозки были переброшены через борт, и растянувшись в длинную цепочку, поплыли вслед за паромом. Но так как этого оказалось недостаточно, настала очередь мешков, которые были на повозках, и под громкие причитания их владельцев и они были сброшены в реку. С помощью этой жертвы судно действительно было сильно облегчено, чему мемуарист обрадовался, так как не пришлось жертвовать его кибиткой. После того, как паром спустился на пять верст от города и был как будто в открытом море, сильный шторм и холодный дождь улеглись: теперь паромщики снова могли взяться за весла и

направить судно к берегу. Они долго тыкались вдоль берега, так как на диком, густо заросшем ивняком берегу не было места, чтобы пристать. Наконец показалась маленькая бухта, в которую и вошли. Все благодарить Бога за то, что, отделавшись испугом, вышли из этого крайне опасного положения. Так как это место являлось только якорной стоянкой для лодок, нельзя было найти никакой дороги, чтобы проехать по ней на кибитке. Ивовые заросли становились все гуще, а там, где были просветы, почва была топкой и заросла камышом. Только благодаря двум отличным лошадям кибитка не застревала слишком часто, хотя много раз и грозила перевернуться и часть содержимого выпадала в воду, так что нахождение внутри вместе с насквозь промокшим имуществом было для Рюппеля не очень приятным. Лишь на следующий день он смог нормально продолжить путь.¹³

Циммерманн с товарищами на пути домой подошел к Симбирску в июле 1814 г. Они снова остановились на том же месте, где почти 2 года назад мерзли и голодали, где столько пленных нашли свой конец. Сейчас для них нашлось хорошее жилье и дружелюбные хозяева. Циммерманн с другом Хуземанном квартировались у богатого купца. В то время как назначенный квартирмейстером Циммерманн по приказу начальника обходил квартиры, чтобы узнавать о каких-либо трудностях солдат, приветливая хозяйка расспросила Хуземанна, почему его друг так часто отсутствует. Когда тот описал ей должность Циммерманна, она стала относиться к нему с еще большим вниманием. Ее муж весь день был занят на базаре, торговал в своей лавке, и однажды, когда Циммерманн несколько дольше задержался в доме, добрая женщина предложила ему остаться жить у них помощником купца. Если бы он принял это предложение, в будущем для него открывались бы блестящие перспективы, но тоска по родине ни на миг не дала ганноверцу поколебаться: он отправился в дальнейший путь.¹⁴

Хотя мемуаров, в которых описывается пребывание военнопленных в Симбирской губернии, не много, впечатления мемуаристов от губернии и ее жителей, не смотря на различие в нюансах, в общих чертах совпадают. Причем коллективное впечатление скорее положительное, за исключением отдельных ситуаций. В целом же мемуары составляют хорошее добавление к материалам, дающим представление о жизни отдельного региона на определенном этапе развития государства.

¹ Zimmermann Ch.C. Bis nach Sibirien. Hannover. 1863; Rüppel E. Kriegsgefangen im Herzen Russland. Berlin. 1912; Voyage d'un officier francais, prisonnier en Russie, sur les frontieres de cet empire, du cote de l'Asie. Paris. 1817.

² Minod Ch. F. Journal des campagnes et blessures. // Combats et captivité en Russie. Mémoires et lettres de soldats français. Paris. 1999; Memorie di Francesco Baggi. Bologna. 1898.

³ Zimmermann. Op. cit. S. 25; Rüppel. Op. cit. S. 141; Voyage d'un officier francais... P. 36; Baggi. Op. cit. P. 173-174.

⁴ Baggi. Op. cit. P. 175.

⁵ Zimmermann. Op. cit. S. 25.

⁶ Rüppel. Op. cit. S. 136-140, 142.

⁷ Minod. Op. cit. P. 56-57.

⁸ Baggi. Op. cit. P. 169-171, 173, 175-176.

⁹ Zimmermann. Op. cit. S. 38; Rüppel. Op. cit. S. 141; Minod. Op. cit. P. 48; Baggi. Op. cit. P. 171-172, 177-179.

¹⁰ Voyage d'un officier francais... P. 37.

¹¹ Minod. Op. cit. P. 48-49.

¹² Baggi. Op. cit. P. 180-186, 188.

¹³ Rüppel. Op. cit. S. 171-172.

¹⁴ Zimmermann. Op. cit. S. 38.